

---

Автор представлен членом Художественного совета **Петрой Калугиной**

\*\*\*

Когда идёт последний снег и кругом голова,  
и выдыхает человек горячие слова.

Из дыма, пепла и огня сплетая речь свою,  
он говорит – Прости меня, я так тебя люблю!

Он долго смотрит из окна и говорит опять –  
Что сто́ит ей?! Ведь и она могла бы так сказать?!

Он опускает вдруг глаза и поднимает вдруг.  
И у него блестит слеза и замирает дух.

Он что-то знает о судьбе, латая в ней дыру.  
Я буду помнить о тебе, пока я не умру!

Пока ещё не кончен век, не всё предрешено!  
Но это слышит только снег, и снегу – всё равно.

\*\*\*

Как измеряет мальчик лужу  
и не торопится домой,  
и мать, зовущая на ужин,  
всплеснёт руками – боже ж мой!  
Ещё отец, когда проспится,  
задаст по первое число.

Всё это было и прошло,  
и никогда не повторится.

Нигде, ты слышишь, никогда!  
Ни плача детского, ни смеха!  
Лишь продолжительное эхо  
и ощущение стыда,  
что мальчик вырос и уехал.  
Зачем?! А главное – куда?!

\*\*\*

Без раствора и глины, пера и бумаги,  
но сработал на совесть творец-самоучка.  
По колено сугробы, берёзы в овраге  
и по снегу несутся смешные собаки:  
за Пиратом – Черныш, а за Бельчиком – Жучка.

Или скажем – весна, оживление в парке.  
Ты один у окна, как заложник простуды,  
наблюдаешь за тем, как попрятались в арке  
от дождя проливного и звери, и люди.

И курчавые мальчишки, словно амуры,  
только меткие стрелы у них на присосках.  
И чем ближе конец, тем длинней перекуры,  
неразборчивей речь и сильней отголоски.

\*\*\*

Всё до сих пор как в тумане –  
кресло, торшер у стола.  
Здесь, вот на этом диване,  
баушка и умерла.

Больше ни звука, ни знака.  
Гроб, слишком узкая дверь.  
Ты б, унучочек, поплакал,  
легче бы стало, поверь.

Ты б не кулючил в прихожей,  
это не наша вина.  
Господи боже, какой же  
маленькой стала она.

Так и уснула под утро,  
руки скрестив на груди.  
И улыбалась, как будто  
всё у неё впереди.

\*\*\*

На дереве кормушка из фанеры.  
Скамейка – ей к лицу пенсионеры.  
И номера домов, как имена.  
Как написал бы сказочник, к примеру, –  
жила-была песочница одна.

Песочница, а в ней возились дети.  
Моя халупа с окнами во двор.  
Всю ночь подвальной дверью хлопал ветер  
и я подслушал этот разговор

без умысла, скорее, по привычке.  
А может быть, я просто делал вид,  
что это мне ночная электричка  
о чём-то важном издали кричит;

что знаю, для чего растёт на крыше  
сарая одинокая трава.  
Но главного я так и не расслышал,  
не разобрал последние слова.

\*\*\*

И хитрый воробей, и ласточка чумная,  
и липа за окном, и солнце-размазня,  
и небо, и земля – они хоть и седьмая  
вода на киселе, но всё ж таки родня.

А мы с тобой живём и делаем закладки,  
перебирая всё в уме наискосок:  
и запах кислых щей на лестничной площадке,  
и жвачкой до сих пор залепленный глазок.

А яркий свет в конце?! А сдавленные звуки?!  
Мотай скорей на ус, заучивай урок.  
Всё как задумал бог – он, поплевав на руки,  
не спал шесть долгих дней, он сделал всё, что мог.

Чего ж ты хочешь знать? Откуда эта сила,  
что прибывает пыль и нас срывает с мест?!  
Не думай ни о чём, пусть будет всё, как было.  
Пиши свои стихи, пусть будет всё, как есть.